

МОЖЕТ быть, оттого, что я актриса и мне ближе зрительный образ, на меня сильно действовала маска-лицо В. И. Ленина в одном из последних «Огоньков» — такое трагическое предощущение всего, что произойдет без него. Действительно, столько событий, открытий! До мурашек, до отпрянувшей от лица крови! Читаю, открываю, соединяю, проваливаюсь, захлебываюсь! Никогда еще в своей жизни я не дышала в такт со зрителем так, как сегодня. Даже художественный экран сейчас примолк, умно потеснилась, оставив трибуну голый, нехудожественный правде.

А сколько еще узнаем, прочтем! Но, открывая газету, журнал сегодня, уже быстрее, чем вчера, пробегаю глазами: про сахар, самогон, варенье, самую древнюю профессию, взятки, злов, рэкет и интуитивно вычисляю: а что там есть про «завтра»? Какой прогноз на светлое будущее? Да. Меня интересует будущее. И обязательно светлое. Я хочу взглянуть на конечный продукт перестройки. Что это такое? Какой он? Пусть это будет если не фильм, то научно-фантастический «Фитиль» или пестрое полотно со множеством сценок из будущей жизни, как у Брейгеля, или страничка в «Крокодиле» в исполнении любимого Виктора Дубова. Но обязательно с юмором. Без юмора не мыслю светлого будущего.

А может быть, проще — я хочу увидеть что-то наподобие «Кубанских казаков»?

«Тогда, в сорок шестом году, был исключительный голод, дочурка. Куда там, мамыньки родные, хоть караул кричи. На фронте был — прямой рай», — вспоминала папа.

«Ой, дочурка, а это ж когда было? Подожди, это ж тебя же на свете не было. Тогда же ужас какой голод был. Мамыньки родные. У тридцать третьем году... ну да... у тридцать третьем! Прямо хоть караул кричи. У гражданскую был прямо рай».

Короче, как начинаешь перелистывать, так прямо как у остроумнейшего конференсье Смирнова-Сокольского: «Да не напрягайтесь, это было ровно полтора голода тому назад».

Но послевоенный голод я помню очень хорошо. И он у меня всегда рядом с «Кубанскими казаками». Сейчас этот фильм ругают, молчат за увод от суровой действительности. Но дети после войны, так ни разу и не наевшиеся, увидели фильм и поверили, что очень скоро будет вдоволь: и седел, и баладаек, и зерна, и хомутов, и лошадей, и калины, и песен, и «любовей». Хорошая музыка, оптимизм и смешные сценки делали свое дело — поднимали дух и настроение. Но внутри я ощущала тревогу: почему это где-то на Кубани могут так жить, а мы вот в Харькове голодаем? А может, от меня что-то зависит? Что я могу? Что в моих силах? Еще усерднее собирать металлолом? Не пропускать коллективных комсомольских походов? Каждое воскресенье в шесть утра шли колонны школьников с лопатами и песней «Взвейтесь кострами...» за город — копать озеро, в котором будут разводить рыбу. Кто ж виноват, что, когда вырыли, дно оказалось песчаным, и вся вода, которую так долго тянули к озеру, вдруг неожиданно исчезла?

А может, еще усерднее сажать лесозащитные полосы? И обогнать мальчиговую школу на несколько гектаров? О, какие они бросали на нас пламенные взгляды... А девочки были, как айсберги. Это попозже мы обменяемся ролями. А тогда: «... нет, нет, дорогие мальчишки, сейчас только лесозащитные полосы, которые перекроют дорогу ураганам, и те не разведут наших урожаев». Хотя вроде Харьковская область ураганами не славилась. Короче, готова была «с церкви спрыгнуть», чтобы жизнь покорее стала, как у «Кубанских казаков». Да сейчас услышав: мы с Кубани. «Во, богатые, — думаю. — Небось, зерна полные закрома».

А ВЕДЬ я уже была, была, и не однажды, внутри этого светлого будущего. Уже сегодня. Да даже вчера. Но все по порядку и с небольшими предостережениями.

Работаю шефский концерт в одном больничном учреждении. Здание выстроено по последнему образцу архитектуры, с мраморным вестибюлем, летним садом и фонтаном посередине. Прямо в вестибюле коврами выложена импровизированная сцена. А зрители не только перед сценой на стульях и в креслах. На всех пяти этажах наверху вышли, выехали больные и через перила смотрели вниз на «сцену». Было ясно, что освещение не приспособлено для концерта. Мало света.

— Можем с двух сторон укрепить галогеновые лампы.

Я знаю, что у «Жигулей» есть такие. Как врежут, так за километр любого суслика видно. «Прекрасно, — говорю, — давайте».

Вот это было освещение! Наверное, думаю, галогены не наши, вон как свечусь! А мой белый костюм стал дымчато-голубоватый. И вся я излучаю что-то небесное. И тут-то началось непредсказуемое. Вроде как залезла в меня какая-то нечистая сила и начала внутри свой концерт. И чем я сильнее и круче «заво-

рачиваю», тем она еще пуще веселится. Сильно стучит сердце, но не болит. В висках пульсирует, но это концерт. В зале запаха какой-то очень специфический — но ведь это же больничное учреждение. Вся точно поджаривалась на сковороде. И пошло. Глаза режет ножом, сопля ручьем, но еще изворачиваюсь, еще держусь. Держусь на тренированной силе воли. Исполняю еще одну песню, хотя могла бы и не делать этого. Но уже яростное, звериное упрямство: или рок меня, или я его. Кончаю концерт — на ощупь в регистратуру, переделанную в примерную. Глаза открыты не могу. Скала кулаки и замерла — вот ужас! В самолете и в сильную грозу попадала, и мотор отказывал. Все паниковали, а я пристегнулась, улыбнулась, перекрестилась — «Значит, судьба твоя такая, дочурка». Это и была единственная мысль.

«Посмотрите на меня». — «Не могу». — «Совсем не можете?» — «Совсем». — «Дикаин, быстро».

Людмила Гурченко

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

А причем здесь дикаин? Дикаин — это же когда прокалывают нос. После холодного снежного фильма «Двадцать дней без войны» у меня хроническая болезнь носа. А здесь же глаза. Так случилось, что в том концерте вместо галогеновых установили лампы кварцевые. Под кварцем около двух часов... А потом через каждые полчаса дикаин, вместо людей — тени, в общем...

— Давай я тебя устрою к Федорову, — сказала моя приятельница.

— Да нет, — отвечаю вяло. А сама думаю, что уже все знаю и по ЦИТО, и по особой больнице, куда с трудом попала. Там, в терапии, мне сказали: «Теперь ваш врач хирург». А вот прошло четыре года, и хирург пока не потребовался. Но про ЦИТО можно написать целый роман и теми правдами, которые позволил мне сегодняшний день.

Я так изучила переломы, рентгеновские снимки, хе-хе, чему только жизнь не научит. Когда продюсер фильма «Мама» с французской стороны предложила тут же после катастрофы полететь в Париж, чтобы операцию сделать немедленно, я, еще не понимая серьезности положения, а главное, еще никогда надолго вплотную не сталкиваясь с больничными, категорически сказала: нет, операцию только на Родине. А ведь многоосколочный перелом ноги надо было действительно оперировать немедленно. В больнице же я провела около четырех месяцев. Была и на скелетном вытяжении. Мне ставили и аппарат образца 1954 года, который пригоден в тех случаях, ну как если бы кирпич разбить на две равные части, а не на осколки. И врачи знали, что аппарат бессмыслен, но молчали: аппарат изобрел их руководитель. Один врач, правда, усомнился вслух в целесообразности аппарата, но он не числился в любимцах и вообще там недолго проработал.

— А здесь вот у нас актриса.

И я всем делегациям с покорностью и испугом демонстрировала свою ногу. А они все больше смотрели на мое измученное лицо — похоже или нет. Иначе, если бы они посмотрели на снимки, ну как же врачу не понять, что не нужен мне был тот аппарат, который принес только бессонные ночи, боли и наркозы. Уничтожена была сопротивляемость. А главное, появилась панический страх при одном только виде белого халата.

Все то лечение было вызовом «высочке, авантюристу» Илизарову. Там, в больнице, я узнала это имя.

ВОТ и теперь решила: пойду только в обыкновенную клинику, где глазник принимает ежедневно по семьдесят человек. Но шло время. Никакие капли и растворы не помогали. Ни смотреть на свет, ни читать — целыми днями в темноте. Не жизнь, а бес-

смыслица какая-то. Ну и, придавив в себе комплексы и страх, пошла к Федорову.

На окраине Москвы современное здание, много машин, людей с забинтованными глазами. По одежде различаю и наших, и иностранцев. Все озабоченные и целеустремленные. Опять на каком-то этаже, в каком-то кабинете надо что-то измерять. Что измерять? Уже все везде триста раз измерили. Потом все было, как в карусели, где много впечатлений, но голова ясная и не подводит. Наконец обыкновенный кабинет, каких я видела сотни, даже сама восседала в таком в «Старых стенах». По другую сторону длинного стола короткими фразами по телефону говорил мужчина. Для того, чтобы понять, что это Федоров, не нужно было слышать подобострастного шепота: «Это он сам». Не меняя интонации, не прерывая разговора, он меня видел, рассматривал. А я его рассматривала. И с облегчением почувствовала, что никакого напряжения не нужно.

Федоров сидел в ореоле пяти цветных те-

Мягкие глубокие диваны. А заказывать очки люди все равно стоят в очереди. Садитесь, пожалуйста, товарищи, или, пока очередь подойдет, выпейте кофе, чай в баре. Но лица растерянные: сядешь, выпьешь, а очередь пройдет. У меня аж сердце защемило. Неужели мои дорогие зрители так и будут всю жизнь бояться потерять свою очередь, чувствовать неловкость сесть на мягкий, светлый диван, так не монтирующийся с одеждой из наших универсамов. Да ведь здесь, в этом помещении, и есть то будущее, к чему мы сейчас идем, за что боремся! Отсюда выходить на улицу не хотелось.

— Что это у тебя за очки? Это мейд ин где?
— Да это я купила в «Опике» у Федорова.
— Ах этот Федоров, высочка, авантюрист!

— **Н**АШ командир соединения предлагает вам такую программу: отдых на катере, теннис, рыбная ловля, сауна. Машина в вашем распоряжении. Все к вашим услугам.

Выступления для воинов — дело святое. Но все равно очень приятно, когда заботятся о быте для артистов. Даже если это происходит за границей. Всегда обещают много внимания, а потом, уже все знают: как только пройдет концерт, в лучшем случае будет ужин. В лучшем случае потому, что раньше ужин был гвоздем программы. А после «трезвого» закона он стал поспешным, деловым и тихим. Куда делись истории, анекдоты и юмор. Смех на сухую, под чаек что-то не звучит.

Вообще, как только приезжаешь в часть, в хозяйство — все ясно. По людям. И не по тому, как они здороваются с артистами, а по тому, как они встречают на улице друг друга. По детям, по лицам женщин. Жизнь военных жен — о, как она не похожа на жизнь самостоятельных городских женщин. Их жизнь на чужбине, без сна — вся жизнь во имя. Надо очень любить, и еще много-много этих разных «очень» для того, чтобы провести самые прекрасные годы в бивачных условиях, похоронить в себе способности к самостоятельному существованию, уметь стерпеть и загнать внутрь личность и при этом не озлобиться, остаться женственной и доброжелательной!

У командира соединения Александра Ивановича Владимировича ощущался особый микроклимат, где главным героем этого организма (его соединения, его хозяйства) был человек. В квартире нас встретила его красавица жена — тонкая и образованная женщина. Никаких разговоров о трюках. Такие разговоры были просто не совместимы с той обстановкой, где главной роскошью был телевизор. Сын в армии, солдат. И, глядя на эту пару, нельзя было поверить, что такой взрослый сын у молодого папы-командира 45-го года рождения. Когда перед концертом он показывал нам свое хозяйство, люди, завидя издана командира, стремились навстречу к нему. Именно к нему. Он всех знал по имени и отчеству и был в курсе дела их жизни и быта. Когда, вытнувшись в струнку, и солдаты, и офицеры без тени страха, а, наоборот, с уважением, с нескрываемым восхищением смотрят на своего командира — ведь это же не прикажешь и не сыграешь.

А еще мне очень понравилась его речь, лишняя привычных военных словосочетаний. «Даю вам пятнадцать секунд на то, чтобы вы прекратили истерику, товарищ майор. Как быть? Решите сами». И в походке, и в улыбки, и в прямоте, и в молниеносной ориентации чувствовался лидер, который очень много должен «дать». Именно «дать» — что так редко, потому что все берут и берут. А если и дают, то обязательно за что-то.

Ни в чем не разочаровал нас командир. Мы уехали с ощущением чего-то нового, с чем ой как не хотелось расставаться. А через тридцать километров в новой части:

— Здравия желаем, товарищи артисты!

О-о, кого только у нас не было. Уже все ваши здесь поперебывали. Слава богу, вы у меня последние. Через две недели домой. Как же оно все осточертело! Видеть никого не хочется. Верите? Дни считано. Уже домой контейнер отправляю. Кто-то? Владимиров? Этот авантюрист-высочка?..

А ТЕПЕРЬ из жизни своей родной профессии. Из жизни кино. Было это в период, как он теперь именуется, «застоя». То есть в 1978 году. Но ведь не у всех был застой. «Застой» не «простой». «Простой» в кино — дело трагичное и вынужденное, так как «ваши способности и таланты в данный период не нужны». «Простой» за невозможностью. Но «простой» не «застой». И сколько людей всю жизнь в поиске, в личной непрекращающейся перестройке. Об этой картине много писали: «Пять вечеров». Первый и единственный в нашем кино эксперимент: подготовиться, снять, смонтировать, озвучить и сдать картину не за год, а в возможно кратчайший срок.

Картина была готова за 26 дней! Режиссер Никита Михалков днем снимал «Обломова», ночами репетировал «Пять вечеров». Студии не хватало единицы. Теперь уже не секрет, но какой-то из фильмов был закрыт. А план есть план. Нужно вырвать студию. Михалков молод, энергичен, не подводит. Между летней и зимней натурой есть время. «Сделай дело, парень». Парень сделал дело.

«Пять вечеров» прошли по экранам страны и мира. Люди думающие, чувствующие, ищущие нашли в фильме свою тихую грусть, слезы, ностальгию и веру, что все сбывается. Ту рабочую атмосферу в картине ни одному члену коллектива не забыть никогда! И хоть жизнь нас вместе ни разу больше не свела в работе, встречаемся, мы бросаемся друг к другу навстречу не как коллеги. Тогда нас соединило нечто большее. То, что в жизни случается редко-редко.

А теперь результаты того эксперимента. Переходящее Красное знамя получила другая, более масштабная картина, провалившаяся в прокате. Знаками «Ударник коммунистического труда» к тому времени уже перестали награждать. Можно быть «ударником» ну раз, ну два, а когда три и четыре значка, то как-то и неловко. Актеры вместо причитающихся шестидесяти рабочих дней за главные роли получили за свои двадцать шесть честно заработанных дней. Михалкову же половина студии перестала, как прежде, улыбаться и кланяться. Больно, но эксперимент оказался нужным. Если переводить на язык военных, команда «Мотор!» в кино — то же, что и команда «Огонь!». Подвиг сделал свое дело, его быстро сравняли с буднями. Фабрике грез он оказался поперек горла. Этот подвиг заставлял всех поднимать планку. Значит, рисковать. Зачем? А что государству прибыль — так это ж государству. А что слава картине — так это ж слава Михалкову.

— Ах этот Михалков, этот высочка-авантюрист!

КОГДА такой высочка входит в присутственное место, его встречает напряженной, тихой тишиной. Он как диссонанс. Конечно, трудно любить и восхищаться человеком, который делает что-то лучше и талантливее тебя. Эти высочки сильные люди. По ним не видать, что там у них внутри. Но ведь внутри рубцы остаются, и они болят. Так как же перестраиваться, если как раз люди завтрашнего дня вызывают такую дружную реакцию: «высочка-авантюрист»? И в таких разных сферах, как медицина, дивизия, кино? Совершенно новая революционная ситуация, где врага не назывешь ни врагом, ни контрреволюционером. И нет ни белых, ни красных. А должны победить те, кто может самостоятельно решать, выходить из тупиков и безвыходных положений, не ожидая, что скажут сверху. Ведь, кажется, так стоит вопрос?

«Человек на своем месте» — жестокая и точная формулировка. Жестокая правда о самом себе, точное знание своего места в рабочем строю — вот что непривычно. И не отсутствие сахара, водки и мяса тормозит новую жизнь. Ее раздают зависть, злоба, месть и годами гарантированные неталантливостью людям места не на своих местах.

За три года стало ясно, что таких неудобных высочек со своей программой, своим даром зажечь людей не так уж и много. И, наверное, есть неточные шаги, повороты, есть за что к ним придраться, а порой и крепко проработать, но на то они и лидеры, чтобы моментально «высочиться» и сверху увидеть отклонение, суметь перестроиться, подстроиться к пульсу, который стучит и показывает кардиограмму нового живого пульсирующего организма.

Интереснейшее время! Нет, доживем! Обязательно доживем до светлого будущего, которого я так жду!

Фото И. Гнезашева.